

МАРИНА СЕРОВА

Сериял "Частный детектив Татьяна Иванова"

**Кто последний
к маньяку?**

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Марина Серова
Кто последний к маньяку?
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633705
Кто последний к маньяку?: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-49234-3

Аннотация

Серия убийств, совершенных, как предполагает милиция, одним и тем же человеком, лихорадит город. Все погибшие – молодые богатые женщины. Кто этот маньяк-убийца? И кто будет очередной жертвой? Частный детектив Татьяна Иванова, занимаясь, по просьбе клиента, расследованием одного из этих преступлений, слишком поздно понимает, что следующая жертва... она сама.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	33
ГЛАВА 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марина Серова

Кто последний к маньяку?

ГЛАВА 1

Я даже не представляла, что сигнал радиотелефона может вызывать такое раздражение.

Не прошло и пяти минут, как я погрузила разгоряченное июньской тарасовской жарой тело в свою нестандартную ванну, в которой можно не только лежать, но и немного поплавать, и прохладная вода не успела еще привычно взбодрить меня и наполнить желанием вообще что-либо делать, как лежащий на полочке телефон издал призывающий внимание клич.

Двигаться не хотелось. Я бы с удовольствием продолжала неподвижно лежать в воде и наблюдать, как маленькими пузырьками воздуха покрываются мои бедра, живот и груди, но меня начало охватывать чувство отключенности от жизни.

Самое неприятное для меня чувство. Я постоянно должна ощущать, что я существую. И существую не в абстрактном мире своих представлений или фантазий, а в обычной реальной жизни, где я играю вполне определенную социальную роль, где у меня есть вполне определенный имидж, с которым я настолько сжилась, что сама часто вижу себя имен-

но так, как видят меня другие люди. Со стороны.

«Опять кто-то не может обойтись без моей помощи...» — вяло проползла в моем мозгу расслабленная мысль. И вместе с раздражением от необходимости выныривать из прохладной воды я ощутила удовлетворение от этой мысли. Оно означало признание моей необходимости в жизни, исключительности моих индивидуальных способностей.

Мне было приятно осознавать, что я реально существую. Я — частный детектив Татьяна Иванова, известная всему Тарасову своей интуицией и способностью распутывать самые запутанные ситуации... Впрочем, многим я гораздо лучше известна по своей еще студенческой кличке — Ведьма, так и прилипшей ко мне на многие годы. И меня это нисколько не расстраивает. Мне это почему-то нравится...

Телефон продолжал настойчиво сигнализировать. Такое упорство не мог проявлять человек, пытавшийся дозвониться до меня впервые. Тот, кто меня не знает, давно бы решил, что меня нет дома. Не всем же известно, что я долго раздумываю, прежде чем взять трубку. Потому что знаю — это может стать началом истории, в которую я ввязываюсь волей-неволей только потому, что ответила на телефонный звонок.

Именно так началась и эта история. С телефонного звонка. С просьбы, на которую я не могла не отозваться, потому что исходила она от человека, с которым меня связывало ностальгическое чувство первого узнавания мира человеческих отношений. Первых радостей и огорчений. Первых

разочарований...

Хотя, может быть, она началась и раньше, где-нибудь в астральных сферах, движение которых и определяет содержание нашей жизни и смысл событий, происходящих с нами? Может быть. Вполне. Но только я человек, далекий от всякой мистики, и если я иногда прибегаю к помощи нетрадиционных методов в своих расследованиях, так это лишь для того, чтобы оживить древнюю профессию криминалиста и не дать ей превратиться в моем представлении в эдакий пылесос для информации, снабженный системой логической классификации и систематизации. Для меня профессия сыщика по-прежнему остается областью интеллектуальной романтики, а не царством статистической логики.

Я подняла руку и несколько секунд смотрела, как с нее стекают струйки воды и как на тонких длинных пальцах повисают прозрачные капли перед тем, как сорваться. Рука у меня красивая...

– Алло...

– Ведьмочка, ты не иначе как в ванне плаваешь...

– А что, Кирюшка, приходи, вместе поплаваем, места хватит. Адрес ты знаешь.

Мне было приятно, что про меня вспомнил Славка Кирев, мой однокурсник, моя прежняя боль и радость.

– Да нет, Таня... – Он смущенно замялся, видно, сразу вспомнил...

Ему было что вспомнить. Да и мне – тоже...

– Дурачок ты, Кирюшка...

– Почему это?

– Да вот, смотрю я... И то, что я сейчас вижу, приводит меня к мысли, что ты – дурачок, раз от всего этого отказался.

– Может быть... Только знаешь, Танька, ты ведь нисколько не изменилась. Вся проблема была в твоей самовлюбленности.

– Ты мне позвонил, чтобы нахамить?

– Извини. Просто вспомнил твое тело и как ты на себя в зеркало смотрела...

– Киреев, мне ведь давно наплевать на все это. «Погасший пепел уж не вспыхнет...», как говорил один мой знакомый. Ты же явно по делу. Вспомнил он... Давай-ка, выкладывай...

– Ну... Ты знаешь, как я к тебе отношусь...

– Знаю, Киря, знаю... Ты меня уважаешь... Я тебя вспоминаю... Иногда. Когда ты звонишь. То есть раза два в год. Когда тебе что-то от меня нужно... Я имею в виду, по делу нужно...

– Конечно, по делу... Ты же представляешь нашу жизнь в управлении. Без дела тут минуты не просидишь.

– Знаешь, Киреев, где я тебя видела с твоим управлением?.. Я, наверное, себе тоже секретаря заведу. Чтобы отвечал на телефонные звонки: «Детектив Иванова занята. У нее медитация. Перезвоните через полчаса». А если ты все же прорвешься, буду отвечать тебе твоей же любимой фразой: «Ну что там еще?»

Славка выслушал мою тираду и не только не раздражился, но даже извиняться начал. Грустным таким тоном, искренне-печальным.

– Прости меня, Таня... Я тебя помню... Правда, помню... И забыть никогда не смогу...

Мне что-то тоже взгрустнулось. Даже глаза немного защи-пало. Врет ведь, собака. Знаю, что врёт. Но все равно приятно. И грустно.

– Ладно, Слава... Хватит об этом. Закрыли тему... Рассказывай, что там у тебя? Какие такие неподвластные тебе неприятности?

– О вчерашней перестрелке ты, конечно, слышала. На углу Пражской и Таборной, на трамвайной остановке? В местных новостях сообщали...

– Это где ваших оперативников постреляли из их же оружия?

– Давай без комментариев, ладно?

– Ладно. Проблема-то в чем? Вы же кого-то там задержали...

– Проблема деликатная... Как интерпретировать всю эту ситуацию. Дело, видишь ли, в том, что показания наших свидетелей расходятся с показаниями тех, кого мы задержали... Людей мы взяли, хорошо нам известных. Но они утверждают, что ехали себе на машине, «никого не трогали, починяли примус», как говорит еще один твой знакомый. А тут на них ни с того ни с сего наши оперативники напали. Ну они,

мол, в порядке самообороны их и постреляли... Герои, понимаешь, этикие... У нас версия несколько иная. Не столь для них героическая.

– Хорошо, а я-то тут при чем? Я что, должна выяснять, кто там из них «примус починаял»?

– Нет-нет-нет... Выяснять как раз ничего не нужно... Ни к чему это... Тут дело и впрямь деликатное... Нашелся, видишь ли, какой-то идиот-любитель с видеокамерой, который снял весь эпизод на пленку. Мы его заметили, но не до него было, скрылся... Вот его-то найти мы и не можем теперь. И дело висит. А время идет. И не в нашу пользу идет. Если мы пленку не найдем, придется их чуть ли не оправдать, да еще извиниться перед ними. Нам эту пленку нужно у себя иметь или убедиться, что она уничтожена. Попробуй его вычислить. Информации очень мало. Свидетели показали, что он среднего роста, волосы короткие, одет был в джинсы, вроде бы «Wrangler», светлую клетчатую рубашку. Лица никто не видел, камера загораживала. Камера любительская, может быть, «Sony», но не точно... Я по телевидению выступил, просил его отозваться, говорил, что купить можем пленку. За большие деньги. Но он пока молчит...

– Купи-и-ить, – протянула я. – Ну, это ты хватанул. Кто ж тебе поверит-то...

Я была настроена несколько иронически. Но Киреев понял меня превратно. Вернее, совсем не понял. И засуетился, как последний идиот.

– Таня, только не надо насчет гонорара. Да, ты права, заплатить тебе мы не сможем. Особенно по твоим расценкам. Двести долларов в сутки у меня никакая бухгалтерия не пропустит. Так что заплатить я тебе не смогу даже за одни сутки работы. Поэтому давай сделаем по-другому. У меня путевка есть на отдел. В Сочи. Я ее выпишу на себя, а поедешь ты. Как идея?

Я резко поднялась на ноги. Можно сказать, вскочила. Вода бурно заколыхалась – то ли от моих движений, то ли от моего возмущения.

– Знаешь, Киреев, почему мы расстались? Не из-за моей мифической самовлюбленности. А из-за того, что это ты всегда был самолюбивым придурком, который не мог смириться с тем, что я умею делать что-то лучше тебя. И до сих пор таким остался. Жену свою в Сочи отправь. Чтоб она тебе глаза не мозолила.

– Ну-ну-ну... – попытался он меня перебить. – При чем здесь жена?..

– При том. Вот тебе мои условия. Пленку я тебе найду. Сегодня найду. Но сегодняшнюю ночь ты проводишь у меня. Иначе пленку не получишь. И чтобы не разыскивали тебя. Ни жена, ни подчиненные...

– Ну, знаешь, Танька!..

Славка бросил трубку. Психанул, видите ли! Оскорбили его! Какие мы нежные...

В раздражении я выскочила из воды. В огромном зеркале,

занимавшем всю стену ванной комнаты, увидела свое отражение. Нет, Славка Киреев точно дурак. Отказаться от такой женщины.

Я и впрямь залюбовалась своей фигурой. Линия талии просто восхитительная. Бедра в меру крутые, но многообещающие... И могу поклясться, что обещания не пустые... Уж Славка-то это знает... А груди! В двадцать шесть лет груди у меня, как у восемнадцатилетней девочки, – тугие, упругие, с большими, набухшими, стоящими торчком сосками, хоть бы чуть провисшие... Да меня саму мои груди возбуждают, что уж про мужчин говорить!

Я не могла удержаться, чтобы не погладить себя по груди... Прикосновение моей ладони и тонких чувствительных пальцев к набухшим соскам отозвалось жаркой волной, поднявшейся снизу и вновь осевшей где-то между бедрами... Я отвернулась от соблазняющего вида, чтобы не дразнить себя.

Вы напрасно, между прочим, подумали, что я и впрямь собиралась спать со Славкой. Да еще и заставлять его спать со мной. Нисколько не собиралась. Ни одной секунды. Но он же меня просто достал! И даже не этим своим ментовским нищенством, хотя оно, когда с ним сталкиваешься, само по себе тоже достаточно неприятно.

Да знаю я, что нет денег у милиции, и не рассчитываю на них. Знаю, потому и не работаю в милиции. Потому, что не люблю зависимость ни от денег, ни от начальства, ни от обстоятельств. Даже от мужчин зависеть не люблю... Хотя ино-

гда так приятно бывает им подчиняться... Особенно, когда он решает изменить позу и сильными руками берет мое тело и поворачивает его так, как ему хочется... А потом крепко берет меня за груди, сжимает их и...

Нет! Все равно не буду спать со Славкой. Позлить обязательно его позлю. Заставлю ночью ко мне прийти. И даже продефилирую перед ним в неглиже. Но не больше. Где-нибудь через час до него дойдет. Он психанет и смоемся. К жёнушке побежит. Потенцию на нее расходовать, которой я его заряжу. Вот и пусть трахнет ее. Праздник женщине устроит. А то ведь сама-то она его вряд ли возбуждает. Он ведь свинья в этом отношении. Только когда ему самому нужно, а что там женщина чувствует, ему наплевать.

Я найду ему пленочку! Обязательно найду! Он мне, видите ли, заплатить собрался! Какой-то дурацкой путевкой! Хоть бы догадался соврать, что путевка на двоих и что поедем мы с ним вместе. Я бы все равно отказалась. Но мне было бы приятно. Так нет же! Его, видите ли, заедает, что я со своих клиентов беру по двести долларов в сутки, а он – голь ментовская. Так я же с клиентов беру, а не с друзей! И тем более не со Славки. Что, нельзя просто по-дружески попросить? Причем знает ведь, что не откажу. Но не может он признать моего первенства в некоторых вещах. Он должен быть первым. Всегда и во всем. Поэтому, наверное, я от него и ушла тогда...

Я наконец успокоилась и задала себе тот вопрос, который

должна была задать самым первым:

«А как я, собственно говоря, собираюсь искать эту пленку?»»

ГЛАВА 2

Никакой идеи, надо признаться, у меня не было. Я просто недоумевала – с чего начать?

В Тарасове не меньше миллиона жителей, из них тысяча триста-четыреста – мужчины среднего роста. Особые приметы – короткие волосы, светлая клетчатая рубашка, штаны «Wrangler», камера «Sony».

Ха. Ха. Ха. Не смешно, майор Киреев, даже очень не смешно...

«Что делать?» – говаривал, помнится, один мой знакомый. «С чего начать?» – тут же подхватывал другой, не менее знакомый.

У меня было три предложения для самой себя. Первое – спросить совета у магических гадальных костей. Второе – посетить место действия и познакомиться с декорациями. И третье – включить телевизор и просмотреть выпуск телевизионных новостей.

Рассмотрев первые два, я решила воспользоваться обоими, хотя ни одно из них, ни даже оба, вместе взятые, не приводили к решению проблемы. Про третье и говорить нечего. Оно к просьбе Киреева вообще не имело никакого отношения. Оно имело отношение к моим привычкам.

Смотреть новости давно уже стало моей привычкой, такой же необходимой, как чашечка кофе утром. И даже столь же

приятной. Когда я смотрела на экран телевизора или просто слушала, отвернувшись, информация о жизни города Тарасова сама впитывалась в меня и раскладывалась по полочкам моей памяти, готовая в любой момент возникнуть в моем сознании, когда расследование, которым я занимаюсь, каким-то образом соприкасается с нею.

Старенький «Sharp», который я все никак не решалась поменять на «Panasonic» последней марки, хотя давно собиралась это сделать, включился как раз в тот момент, когда я вышла из ванной. Я раз в неделю программирую таймер телевизора на все выпуски новостей, чтобы потом ничего не пропустить, не забыть, да и не возиться лишний раз. А когда меня подолгу не бывает дома, я подключаю видеомэгнитофон, программирую его тоже. В мое отсутствие все, что я заранее намечу, благополучно автоматически записывается, а я потом просматриваю пленку.

В последнее время у меня было какое-то обостренное любопытство к местным новостям. Особенно к криминальной хронике. Наверное, потому, что я уже слишком давно отдыхала. С того момента, как я закончила свое последнее расследование – по просьбе директора атомной станции, расположенной неподалеку от Тарасова, разыскала похитителей партии радиоактивного топлива для атомного реактора, за что в качестве гонорара, собственно говоря, и получила новенькую машину чешского производства, – прошло месяца два, и я порядком заскучала без очередного дела.

Деньги у меня, конечно, были, но счет в банке худел, а не поправлялся, что не то чтобы внушало мне тревогу, но настроения не улучшало. Да и отдыхать мне, честно говоря, надоело. Я ведь работаю не только и даже не столько из-за денег. Распутывать запутанные жизненные клубки – это просто моя потребность, мой способ существования. Я плохо себе представляю время, когда я перестану быть частным детективом.

Поэтому я смотрела криминальную хронику с каким-то ожиданием. Я даже пыталась угадать, не придется ли мне раскручивать ту или иную ситуацию, о которой сообщали телевизионные дикторы. Но за последнее время ничего особенно интересного не случилось. В криминальной жизни наблюдалось затишье.

Сообщение об инциденте, о котором говорил со мной Киреев, не привлекло моего особого внимания. Речь шла о столкновении с милицией, да к тому же милиция в этой ситуации выглядела в не очень привлекательном свете, я сразу же поняла, что моей помощи там не потребуется, разбираться будут собственными силами. И, как видите, ошиблась ненамного. Меня попросили помочь найти случайного свидетеля, и только. Я даже не могла расценивать это как очередное дело, как полноценное расследование. Киреев просто использовал меня в своих целях. И я даже заподозрила, что он специально разозлил меня, зная, какая последует реакция. Эта мысль очень меня расстроила. Не люблю, когда

мною манипулируют.

И на этот раз новости не содержали ничего, на что можно было бы обратить внимание. Очередной геройский подвиг нашего губернатора на ниве тарасовской экономики, заключившего очередной договор об очередной сделке с очередным западным инвестором. На этот раз с австралийским. Что-то по поводу паназиатско-австралийского конкурса по стрижке овец. «Золотые овечьи ножницы», что ли? Он уже практически договорился. Осталось привлечь Новую Зеландию и Оренбургскую область. Поскольку Китай, Монголия, Пакистан, Казахстан и Астраханская область уже согласились принять участие... Очередное снятие очередного руководителя областной налоговой службы, поскольку задание по сбору налогов в очередной раз оказалось невыполненным. Очередная речь вице-губернатора на очередном митинге по поводу окончания строительства очередной школы на деньги очередного германского инвестора... Словом, сучка смертная.

И вдруг... Я сразу поняла, что для милиции это дело «мертвое» и что, если только здесь затронуты интересы какого-нибудь частного лица, финансовое положение которого позволяет ему обратиться за помощью к знаменитой тарасовской Ведьме, оно, это лицо, обязательно ко мне обратится. И это дело станет моим очередным расследованием. Маленьким кусочком моей жизни.

«...Мы рассказывали уже об убийстве директора магазина

«Перикл», произошедшем на прошлой неделе. Расследование этого мрачного случая продолжается. От представителей правоохранительных органов не поступило пока никаких сообщений, проливающих хоть какой-то свет на то, что же стало причиной нападения на Оксану Владимировну Нейбоур в подъезде ее дома. Была ли это попытка ограбления, изнасилования или какого-либо другого маниакального действия, до сих пор остается неизвестным. Возникают вполне правомерные сомнения – располагает ли следствие вообще хотя бы одной версией по поводу случившегося.

Между тем полное бездействие правоохранительных органов спровоцировало еще одного представителя криминального мира на совершение дерзкого кровавого преступления. Вчера еще одна жительница Тарасова стала жертвой неизвестного убийцы. Около двадцати трех часов в проходном дворе рядом с казино «Клондайк» было обнаружено тело Ирэн Балацкой, известной тарасовской светской львицы, со следами насильственной смерти. Пресс-служба городского УВД до сих пор отказывается сообщать какие-либо подробности по поводу этого злодейского убийства. Побывавшая на месте трагедии наша съемочная группа сумела обнаружить следы крови на месте преступления. Каким образом «прекрасная Ирэн» оказалась поздним вечером одна в темном, мрачном, безлюдном проходе с Турецкой на улицу Грушницкого, остается только гадать.

Милиция по-прежнему молчит, хотя один из источников,

близких к Управлению внутренних дел, пожелавший остаться неизвестным, сообщил, что по одной из дошедших до него версий, рассматриваемых руководством УВД как наиболее перспективные, убийства Ирэн Балацкой и Оксаны Нейбоур совершил один и тот же человек...»

Старательно копируя Владислава Флярковского интонациями и проникновенно-аналитическим взглядом, диктор еще пару минут нес какую-то чушь о нежелании милиции сообщать сведения средствам массовой информации, о ее неспособности обеспечить безопасность на улицах города, о том, что, похоже, женщинам стало опасно появляться на тарасовских улицах, особенно поздним вечером, особенно в одиночестве, особенно – красивым...

Я, честно говоря, его уже не слушала. Я уже чуть ли не прислушивалась к телефонному звонку, готовая снять трубку и согласиться на это расследование. Некоторое разочарование от того, что телефон молчал, компенсировалось уверенностью, что это дело так или иначе не пройдет мимо меня. Нужно только иметь выдержку. Клиент сам меня найдет, когда сообразит, что, кроме меня, никто помочь ему не сможет.

А пока вернемся все же к Славкиной просьбе.

Я сварила кофе и, наслаждаясь ароматом крепкого настоящего мокко, привезенного мне в подарок из Африки знакомым коммерсантом, достала из кожаного чехольчика три гадальные кости, на двенадцати гранях которых искусным ма-

стером вырезаны цифры от одного до тридцати шести. Я не сильна в математике, особенно – в комбинаторике, но, по-моему, число возможных комбинаций – что-то вроде тридцати шести в кубе. У каждой комбинации есть свое толкование, вписанное в магические книги. У меня нет необходимости каждый раз сверяться с книгами, моя превосходная память выручает меня не только при гадании, но и во многих других ситуациях. А таких ситуаций в моей работе возникает немало.

Главное – сосредоточиться именно на том, что ты хочешь узнать о своем будущем. Кости очень чувствительны к бессознательному вопросу, который владеет человеком, когда он бросает их, чтобы получить предсказание. Очень важно настроиться именно на этот вопрос, иначе предсказание окажется непонятным и только собьет с толку.

Итак – что же я хочу узнать из того, что ждет меня в будущем?

Найду ли я видеокассету, как заявила Кирееву? А что об этом спрашивать, если я уверена, что найду?

Где ее искать? Ну, знаете... С таким же успехом можно и по Библии гадать.

И в ответ получишь что-нибудь вроде:

«Ищите и обрящете...»

Как ее искать? Люди, которые себя уважают, об этом не спрашивают...

Да-а-а... Что же, мне и спросить-то не о чем?

Это называется даже не недостаток информации. Это называется – ее полное отсутствие. Совещание с магическими костями придется, видимо, отложить. Поэтому займемся вторым предложением...

ГЛАВА 3

Когда я занимаюсь расследованием, я предпочитаю не трогать со стоянки свой светло-серый «Пежо», слишком уж он приметен для личного транспорта Ведьмы. Едешь по городу, как премьер-министр – все милиционеры провожают тебя взглядами, чуть ли не ручкой машут. Я вообще не люблю приметных машин. С личным транспортом у меня всегда проблемы. Все в ГАИ знают мой номерной знак. Попробуй доберись куда-нибудь незамеченной. Поэтому я давно договорилась с подругой, но, если мне не удастся при необходимости брать у Светки ее «жигуленка», я пользуюсь даже и городским транспортом. Милое дело, особенно из соображений конспирации.

Но сейчас у меня была совершенно другая ситуация. Расследования я никакого не вела. Нельзя же Славкину просьбу найти случайного свидетеля стычки милиции с бандитами считать серьезным делом.

Взглянув в окно на раскаленную тарасовскую улицу, а затем переворошив свой гардероб, я пришла в отчаяние. Если бы не опасение стать причиной ДТП (дорожно-транспортного происшествия), честное слово, я ничего не стала бы надевать. Представив, как водители всех встречных автомобилей будут смотреть только на меня, а не на дорогу и дорожные знаки и что из этого выйдет, я тотчас отказалась от этой за-

теи. Хотя, признаюсь честно, в такую жару я гораздо свободнее себя чувствую без одежды, чем в ней...

Вздохнув и кое-как прикрыв наиболее притягивающие взгляды мужчин места на своем теле парой розовых лоскутков от «Versace» размером с носовой платочек каждый, я спустилась во двор, открыла гараж и выгнала своего застоявшегося «пежончика» слегка размяться.

Найти перекресток центральных улиц Пражской и Таборной не составляло труда, я пристроила машину так, чтобы она не привлекала взглядов назойливых гаишников, и осмотрелась. Вот остановка трамвая, на которой и происходила та самая разборка. Так, раз уж этого репортера – любителя криминальной хроники милиционеры во время съемки обнаружили, значит, вести ее он должен был где-то на виду.

Я вышла из машины, огляделась. Да, собственно, с любого из оставшихся трех углов перекрестка. Перестрелка длилась не меньше минуты, значит, примерно такое же время длилась и запись, даже если она была начата не сразу. Минута – это очень много. За это время любой наблюдающий за событием человек успевает рассмотреть не только главных действующих лиц, но и обстановку, и случайных свидетелей. А уж тем более человека, ведущего видеосъемку. А если наблюдает за происходящим человек опытный, способный за пару секунд увидеть столько, что рассказывать потом будет часа два, он не только увидит, но и проследит. Значит, будем искать таких людей...

Ах да... Вы спросите – «где их искать?» В этом нет никакой тайны. Самые лучшие наблюдатели сидят на балконах, на кухнях у раскрытых окон, на лоджиях и внимательно отслеживают все, что происходит в поле их зрения. Конечно, это – любознательные тарасовские старушки, дальнорзоркие глаза которых не упускают ни одной мелочи из хроники отведенного им богом для наблюдения куска улицы... Мне только нужно найти постоянных наблюдателей, следивших за перекрестком вчера во время той стычки. Не может быть, чтобы никто из них не заметил человека с видеокамерой...

Стоило мне осмотреть окрестные дома, как я тут же, не сходя с места, зафиксировала четырех бабулек, неподвижно сидящих на своих балконах и лоджиях двух девятиэтажек и внимательно поглядывающих вниз. Конечно, они заметили уже и меня, и мой изучающий окрестные дома взгляд.

Запомнив этажи и вычислив подъезды, я отправилась с визитами. Правда, сначала я съездила в расположенный неподалеку коммерческий магазин и кое-что там купила, чтобы идти к наблюдательным старушкам не с пустыми руками.

В первой квартире, в которую я позвонила, дверь мне открыл юноша лет семнадцати, с не тронутым бритвой пушком на щеках. Увидев меня, он остолбенел и проглотил язык. Таких женщин он явно еще не видел. Не зная, куда деть свои неуклюжие руки, он болтал ими из стороны в сторону и молчал. Наконец он сунул руки в карманы брюк и что-то там по-

правил, вероятно, чтобы было не очень заметно, какое я на него произвожу впечатление.

Рассмотрев его, я над ним сжалилась и спросила, дома ли бабушка.

Так и не найдя в себе сил ничего ответить, он направился в глубь квартиры и взглядом пригласил меня следовать за ним.

– Ба, – услышала я его ломающийся басок, – к тебе пришла...

Он не договорил, так и не сообразив, как же меня назвать.

Сидящая на балконе бабушка встретила меня с таким строгим видом, что, чувствуй я себя хоть немного понеуверенней, я сразу бы развернулась и ушла, не задав ни одного вопроса. Но строгость давно перестала на меня действовать. Еще в детстве.

Это была худющая-прехудющая старушонка с цепким взглядом бегающих маленьких глаз, которая непрерывно разглаживала у себя на коленях подол по-девичьи открытого летнего сарафанчика. На меня смотрела с явной неприязнью, но во взгляде проскальзывало и желание узнать, что меня к ней привело. Сильное желание.

– Давайте сразу к делу, – предложила я, несколько не смущенная ее строгим взглядом. – Вчера вы, конечно, все видели, что тут происходило под вашими окнами...

– Ничего я не видела, я так милиционеру и сказала, – перебила меня старушка и демонстративно отвернулась. Не о

чем, мол, нам разговаривать.

– Я не из милиции, – возразила я. – Разве это похоже на милицмейскую форму?

Я потрогала «версачевские» лоскутки, едва прикрывающие мои груди.

– Тьфу, прости господи! Шалярва! – выругалась старушка.

– И вовсе я не «шалярва», как вы изволили выразиться, – продолжала я. – Я частный детектив, Татьяна Иванова. Вот мои документы.

Я достала из пакета и сунула ей под нос лицензию, дающую мне право заниматься частным сыском.

Старушка внимательно ее изучила.

– Милицию, кстати, я, как и вы, терпеть не могу, – продолжала я. – Она меня – тоже. Потому что работает хуже меня.

Старушка посмотрела на меня с интересом.

– Так ты что же? С бандитами воюешь? В эдаком-то одеянии? Глаза, что ль, им титьками отводишь?

– Бабуль, а что ж мне их прятать-то? Ведь красивые? Ты ведь сама красивая в молодости была. Помнишь?

– Ну я-то не заголялась, как ты... Стыд-то не теряла...

– Так ведь невинность-то все равно потеряла. Причем наверняка – до свадьбы...

– Да ты-т откуда знаешь! – возмутилась старушка. – Ты мне в глаза-т не тыкай. Ты чё пришла, вообще? В подол мой заглядывать? Я вон кликну Сашку-то, внука, он те быстро

по лестнице-то спустит!

«Спустит он, – хмыкнула я про себя, – в карман себе...»

– Не надо Сашку, – попросила я. – Он маленький еще. Я его напугаю. Да еще, не дай бог, поломаю ему чего-нибудь... Я ведь таким бугаям руки-ноги ломала... Чего уж Сашка-то твой...

– Ой... Ломала она! – старушка недоверчиво потрясла головой. – Да ты небось, кроме целки-то, ничего и не ломала в жизни!

– Экая недоверчивая ты, бабулька, – покачала я головой сокрушенно. – Я бы продемонстрировала тебе, что умею, да жалко внука твоего.

– Себя пожалей! – отрезала бабка. – Сашка! Поди сюда!

Она явно не верила мне. Я ждала, что дальше будет. Явился ее внук.

– Чё, ба? – пробасил он.

– Сашунь, свяжи-ка эту шлюху, – сказала ему коварная бабка, – да в милицию позвони, участкового вызови.

– Чё? – Внук был в растерянности, доходящей до прострации.

– Что стоишь как пень? – прикрикнула на него бабка. – Вяжи ее, говорю! Аль не справишься?

– Щас... – сказал внук.

До него начало доходить, что «вязать» – это значит хватать руками мое красивое тело. Под шумок можно и груди полапать, и вообще...

Он нерешительно протянул ко мне руку. Я шлепнула по ней ладонью.

– Ты руки помыл, поганец? – наехала я на него. – Ты же только что со стрючком своим забавлялся! А теперь женщины хватаешь! Быстро в ванну!

Покраснел он, как кожа после неосторожного загара, и дернулся в сторону ванной. Видно, угадала я, чем он занимался, когда его бабка позвала.

– Не слушай ее, Саш! – не сдавалась бабка. – Руки ей за спину и полотенцем свяжи.

Саша приободрился, да и разозлился на меня тоже. Он уже готов был кинуться на меня всерьез. Правда, с серьезностью щенка. Вот и прекрасно. Я для этого его и злила. Ему уже не полапать меня хотелось, а унижить. Он схватил меня за левую руку и начал тянуть к себе, не знаю зачем. Чтобы вторую руку поймать, что ли?

«Что бы мне такое с ним сотворить? – подумала я. – Разве что – узлом его завязать?»

Я перехватила его руку своей правой и дернула, развернув ко мне спиной. Затем легонько стукнула ребром ладони чуть повыше правого уха. Внучок рухнул на пол. Я достала из своего пакета наручники и пристегнула его левую руку к правой ноге.

Бабка прикрыла рот сухонькой ладонью и смотрела на меня с испугом.

– Ты чего это с внуком моим сделала? – с трудом выгово-

рила она.

– Ничего страшного. Сейчас очнется. А пока давай все же о деле поговорим... Ты ведь, бабулька, милиции наврала, что не видела ничего... Так вот, давай меняться. Ты мне ответишь на все мои вопросы, а я тебе подарочек небольшой сделаю.

Я достала из пакета морской бинокль и повесила его себе на шею. На моей полуприкрытой груди он смотрелся, наверное, очень импозантно.

Как ни была бабка озабочена судьбой внука, глаза ее загорелись. Я видела, что она согласна. Еще бы! С биноклем ее ежедневные балконные наблюдения приобретали новое качество. Ей открывался целый мир, во всех его детальных подробностях.

– Значит, так. Когда милиционеры разбирались с бандитами, вон там... – я указала рукой на перекресток, – ...один человек снимал все это на видеокамеру. Мне нужно знать, где он стоял, как выглядел, куда потом делся? Ответишь на вопросы – бинокль твой. Не ответишь – придется другой бабульке его подарить, более наблюдательной. Ты же ведь не одна на балконе целыми днями торчишь...

– Сразу бы сказала, чего тебе надо, и не била бы ребенка... – пробурчала бабка, словно забыла, что сама на меня внука натравливала.

Я вздохнула, но промолчала.

– Стоял он, значит, там.

Бабка указала рукой на угол перекрестка, находившийся по диагонали от того угла, на котором происходила вчерашняя «разборка».

– Без такой штуки...

Она посмотрела на висевший у меня на груди и соблазняющий ее бинокль.

– ...я его плоховато рассмотрела. Волос, кажись, черный. И головой так дергает, будто чуб свой назад закидывает. Хотя волосы-то короткие. Я еще подумала – нервный какой-то. Рубашка, значитца, на нем была расстегнута. Желтая такая, с белыми клетками. Штаны-то обычные, как сейчас молодежь носит. Черные. На коленках еще пузырились. А так-то нечего про него сказать. Обычный мужик, лет тридцать, наверное. Как он начал снимать-то, я не увидела, не знаю, откуда шел. А побежал прямо здесь, под окнами у нас. Эту кинокамеру-то свою на бегу в сумку засовывал. Кожаная такая сумка, через плечо. До того угла добежал и спрятался вон там, за магазином.

– И это все? – спросила я разочарованно. Если она больше его не видела, из моих поисков ничего, пожалуй, не выйдет.

– Я думала – убег он, – продолжала бабка, плотоядно поглядывая на бинокль. – Ан нет! Смотрю – выглядывает из-за угла-то. А уж разъехались все, я уж хотела вниз спускаться... Он тоже увидел, что нет уже никого, никто за ним не гонится. И пошел так спокойно...

Бабка сделала паузу.

– Куда? – не выдержала я.

Она молчала, поджав губы, и внимательно смотрела мне на грудь.

«Бинокль!» – дошло до меня.

Я сняла с шеи ремешок, на котором висел бинокль, и надела его на тоненькую бабкину шейку. Она тут же вцепилась в него своими сухонькими пальчиками.

Она нагнулась в мою сторону и зашептала:

– Я ить сразу поняла, что он рядом где-то живет. Больно уж знакомый какой-то мужичок... А когда он в дом-то зашел, я и вспомнила – точно, видела его раньше. Здешний мужик, видела его не раз. Ходит еще часто с какой-то шальваркой...

Она прикрыла рот ладошкой и испуганно на меня посмотрела.

– Да где он живет, в каком доме-то? – Я уже потеряла терпение.

– А вот на этой улице, на Пражской. Только не наш квартал, а следующий, между Столичной и Шмидтовской. Видишь, напротив дерева толстого – крылечко с навесом. Аккурат туда и зашел.

Бабка смотрела на меня с торжеством.

– Ну вот, – сказала я удовлетворенно. – «Согласие есть продукт непротивления сторон», как говорил один мой знакомый. Молодец, бабулька.

Бабка не поняла, что это такое я произнесла, но на всякой

случай сказала:

– А бинокль-то мой.

Утвердительно сказала, без всяких вопросительных интонаций.

– Конечно, твой, – согласилась я. – Заработала честно.

Ушла я, с бабкой не попрощавшись, а уж со внуком ее – тем более, только браслеты с него сняла.

Когда я направлялась к своему отдыхавшему в тени дерева «пежону», была уверена, что меня рассматривают в бинокль. Обернувшись на бабушкин балкон, я в этом убедилась. Помахав ей на прощанье рукой, я села в машину и подружила к указанному бабкой дому. И тут же сообразила – рановато я с ней простилась, ведь она теперь продолжает за мной наблюдать.

ГЛАВА 4

Пару минут я просидела в машине, размышляя, что делать дальше. Итак, у кого находится пленка, я выяснила. Можно было бы этим и ограничиться. Сдать этого горе-«репортера» Кирееву, и дело с концом. Но обещала-то я ему пленку, а не ее владельца. Да и потом – как сложится судьба этого человека после того, как за него возьмется Киреев, честно говоря, не знала. Киреев, конечно, законы уважает, но не в тех случаях, когда затронуты корпоративные интересы его ментовской структуры.

Придется, видимо, пленочку мне самой забирать. А для этого нужно как минимум попасть в квартиру. А для этого, в свою очередь, нужно иметь повод, чтобы попасть в нее. Что бы такое придумать?

Мои размышления прервал сигнал вызова мобильного телефона. Кто бы это мог быть? Киреев? Ну нет, он так быстро не остывает. Кто-то из моих эмансипированных подруг? Тоже вряд ли. По давным-давно установленному мною правилу никто из них не звонил мне раньше шести часов вечера, если только их жизни не угрожала опасность. Для болтовни с подругами у меня был отведен вечер, а день существовал для работы, а не для общения.

Нет, это не подруга. Это клиент. Я, конечно, не могла знать, кто именно мне звонит, но была уверена, что чело-

век, который хочет сейчас услышать мой голос, предложит мне заняться поисками убийцы самой известной тарасовской красавицы Ирэн Балацкой.

– Алло, – ответила я, внутренне готовая уже согласиться на это невысказанное предложение.

– Добрый день, – услышала я приятный молодой мужской голос уверенного в себе человека. Очень уверенного. Я привыкла по первой же фразе, по интонации, с которой она произнесена, определять, кем ощущает себя в жизни произносящий ее человек – хозяином ситуации или неудачником-просителем. И очень редко ошибалась.

– У нас нет с вами общих знакомых, – продолжил он, – но мне рекомендовали вас люди, которым я доверяю целиком и полностью...

– Это кто же? – перебила я его.

– Это люди, которым Я доверяю, – он выделил «я» таким тоном, будто это было имя собственное, причем очень известное имя.

Я решила не отдавать ему инициативу в разговоре, кто бы он ни был.

– Поскольку это вы мне звоните, – не дала я ему продолжить, – у меня нет необходимости представляться. Я надеюсь, вы хорошо знаете, КОМУ вы звоните...

Точно так же, как и он, «кому» я выделила особой интонацией.

– ...Иначе вы просто ошиблись номером, и весь наш раз-

говор – не больше чем случайная глупость, которая сейчас же и прекратится.

– Я же сказал, я навел о вас справки...

– Мне пока не удалось навести справки о вас, – перебила я его, – поскольку я не знаю до сих пор, о ком их нужно наводить. А по голосу я узнаю только одного человека. Если бы вы сказали мне: «Добрый день, понимаешь...», я бы не спрашивала вашего имени, я бы его знала. И обратилась к вам по имени-отчеству.

Мне, кажется, удалось сбить с него это уверенно-агрессивное высокомерие хозяина жизни и ситуации. Он рассмеялся, хотя и невесело.

– Знаете, я еще не отказался окончательно от мысли стать президентом этой несчастной страны. Не знаю только, насколько это нужно мне. В том, что я нужен России, я не сомневаюсь. Впрочем, извините за неуместный в деловом разговоре смех. А у нас с вами именно деловой разговор. Я возьму на себя смелость представить нас друг другу, чтобы впредь не возникало никаких недоразумений. Вы – Татьяна Иванова, частный детектив по кличке Ведьма, степень эффективности вашей работы, как меня уверяли, сто процентов. Именно этим вы привлекли мое внимание. Я – Родион Евстафьев. И это все, что вам нужно знать обо мне.

В этом он был прав. Вернее, в том, что остальное узнавать не было необходимости. Знала я о нем и без того достаточно много, как, впрочем, и почти все в Тарасове.

Родион Афанасьевич Евстафьев был и остается на сегодняшний день самым богатым и самым умным человеком в Тарасове. Оспаривает это утверждение только один человек в Тарасове – нынешний губернатор, сам претендующий на то же. Их постоянные стычки по экономическим и политическим вопросам постоянно муссируются средствами массовой информации, половину из которых финансирует Евстафьев, а вторую половину – областной бюджет. Недостатка информации ни о губернаторе, ни о его политическом сопернике тарасовские читатели в такой ситуации, как вы понимаете, не ощущают.

Я почти не читаю тарасовские газеты, но зато не пропускаю ни одного выпуска телевизионных новостей, поэтому о Евстафьеве знаю, пожалуй, больше, чем он сам. Если же брать абсолютно объективную информацию – сеть супермаркетов в центральных районах города, несколько нефтяных скважин, туристическое агентство, располагающее двумя четырехпалубными теплоходами типа «река – море», футбольный клуб, в котором Евстафьев является президентом и в команде которого играют по контрактам два бразильца, итальянец и аргентинец. Пожалуй, как когда-то говорили в Риме, «сказанного достаточно».

– Знаете, Родион Афанасьевич, – ответила я ему, – я не буду наводить о вас справки. Чтобы нам договориться, достаточно того, что вы навели их обо мне. Ставлю один против пятидесяти, что знаю, о чем или, вернее, о ком у нас пой-

дет разговор...

– Не будем ставить наши деловые отношения в зависимость от теории вероятностей, – возразил он, отсекая мне возможность продемонстрировать свою интуицию. – Я хочу, чтобы вы нашли убийцу Ирэн. Мне нужно только его имя. И доказательства, что это его рук дело. О гонораре не беспокойтесь. Мне нужно от вас услышать одно: сможете вы это сделать?

– Когда я бралась за расследование своего первого дела, Родион Афанасьевич, я дала себе слово – как только я потерплю неудачу, я объявлю свое агентство закрытым и переqualифицируюсь в управдомы, как говорил один мой знакомый. До вашего звонка у меня было не меньше сотни дел. Но я до сих пор не порвала свою лицензию и у меня нет желания становиться управдомом...

– Так, значит, вы будете командовать парадом? Так, кажется, говорил этот ваш знакомый?

– Вы правильно меня поняли.

– Если вам понадобится какая-то информация или помощь, звоните мне в любое время...

И он, не прощаясь, растворился в эфире.

Настроение у меня значительно повысилось. Мне уже не терпелось тут же броситься в бой и начать активный сбор информации об Ирэн Балацкой, но надо было развязаться с этой дурацкой пленкой, разыскать которую я обещала Славке Кирееву. Сейчас весь мой утренний разговор с Киреевым

представлялся мне каким-то неврастеническим бредом, особенно мое истерическое обещание найти пленку сегодня. Нужно кончать с этой бодягой побыстрее.

ГЛАВА 5

Я ничего еще не придумала, но сидеть дольше в машине уже просто не могла. Солнце палило немилосердно, тени, в которую можно было бы поставить машину, поблизости не было. Корпус машины раскалился, я задыхалась.

Нет, хватит думать, будем импровизировать на ходу, сообразуясь с обстоятельствами.

Я поднялась по невысоким ступенькам к двери и нажала кнопку сигнала.

– Кто? – прохрипела дверь. Тут я только заметила вмонтированный в дверь динамик домофона, из которого и раздался этот вопрос. Причем динамик так хрипел, что я не поняла, женским голосом был задан вопрос или мужским.

– Извините, – начала я, хотя понимала, что мне абсолютно нечего сказать, – мне назвали ваш адрес... И сказали, что только здесь я могу найти то, что меня очень интересует...

– Отойдите от двери, – потребовал хриплый динамик прокурорским тоном.

– Зачем? – удивилась я искренне-недоуменно.

– Посмотреть на вас хочу, – объяснил динамик, все так же хрипя.

Я спустилась по ступенькам и заметила, что в окно второго этажа меня действительно кто-то рассматривает. Не знаю, за кого уж там меня приняли, но следующий вопрос, когда я

вновь подошла к двери и опять нажала кнопку сигнала, был такой:

– Вы от кого?

– Да я, собственно... – я замялась. – Сама по себе.

– Так вы действительно купить хотите или просто посмотреть?

Разговор начинал принимать интересный оборот. Что это мне купить предлагают? Да еще прямо на улице. Неужели пленку? Да нет, это было бы бредом... Что же тогда? Наркотики? Да нет, тоже глупость... При чем здесь – «посмотреть»? Кто же наркоту смотрит?

– Конечно, купить! – Я решила, что можно немного возмущаться, раз уж я покупателя из себя строю. Правда, я понятия не имела, что именно я собираюсь покупать. – Я долго буду на жаре торчать?

– Извините, у нас тут некоторые проблемы, – прохрипел динамик. – Сейчас открою.

Секунд через тридцать защелкали замки, дверь слегка приоткрылась, пропуская меня, и, как только я вошла, сразу захлопнулась. Я, к своему удивлению, за дверью никого не увидела.

Передо мной была лестница на второй этаж, заставленная по бокам разным хламом. Стены коридора были заняты самодельными полками, все их занимали пустые бутылки без этикеток, в основном так называемые «Чебурашки». Скапливались они здесь, вероятно, годами, поскольку зарос-

ли пылью и паутиной.

Дверь наверху, в которую упиралась лестница, распахнулась, и меня сверху вниз принялась разглядывать какая-то растрепанная девица неопределенного возраста. Мой вид ее, кажется, удовлетворил.

– Поднимайтесь. Деньги у вас с собой?

– С деньгами проблем не будет, – успокоила я ее. – Я заплачу. Если есть за что.

– Так вы уже видели? – заволновалась девица. – Наверное, в администрации?

– Я бы хотела взглянуть еще раз, – не стала я уточнять неизвестные мне подробности.

Она наконец пропустила меня в квартиру. Первое, на что я обратила внимание, – мужские полуботинки, стоящие у прихожей. Что ж, это удачно. Значит, тот, кто меня интересуется, где-то неподалеку.

– Сюда, пожалуйста, – растрепанная хозяйка провела меня в просторный зал, окна которого выходили на улицу. Вероятно, отсюда меня и разглядывали. От девицы явно попахивало спиртным. Через минуту мне показалось, что не такая уж она и «девица» – временами ей можно было дать лет сорок, а то и больше, хотя в отдельные мгновения она выглядела вполне двадцатипятилетней.

– Вот они! – широким жестом она показала на глиняные вазы, которыми был заставлен большой обеденный стол посреди зала.

Признаюсь, на несколько минут я забыла, зачем появилась в этой квартире. Я не могла отвести взгляда от этих изумительных произведений гончарного искусства. На меня пахнуло Древней Грецией...

Более десятка ваз самой различной формы, казалось, существуют в этой квартире сами по себе, создавая своим присутствием пространство вокруг себя, особое эстетическое пространство. Они просто притягивали взгляд своей удивительно правильной формой, плавными линиями, рождающими смутные ассоциации с женским телом. В них была какая-то скрытая ненавязчивая эротика и одновременно чувствовалась напряженная мысль художника, их создавшего. Я была просто уверена, что их автора страстно волновала мысль о всеобщем эстетическом символе, выражающем цельность мира и единство мира и человека.

Так вот что мне предлагали здесь купить! Пожалуй, я и в самом деле куплю одну из этих глиняных красавиц. Вон ту, одну из двух самых высоких, выполненных удивительной техникой. Стенки ее были ажурными, снизу доверху покрытыми тонким глиняным кружевом. У меня даже мелькнула мысль, что от глины невозможно добиться такой легкости и воздушности. Ваза, казалось, парила в воздухе, непостижимым образом преодолевая силу земного притяжения.

«Как ему это удалось? – думала я о неведомом мне авторе. – Такое просто невозможно сделать руками! Это творение бога, а не человека!»

Я уже не могла расстаться с мыслью о том, что эта ваза будет стоять у меня в комнате. А огромную фарфоровую китайскую «бадью», стоящую у меня в спальне около моего необъятного «сексодрома», я, пожалуй, поставлю на первом этаже, в гостиной...

Я мельком взглянула на женщину, которая внимательно наблюдала за моей реакцией, от которой, видимо, должна была зависеть цена. Мне стало ясно, что цена будет достаточно высокой – моя реакция ее вполне удовлетворила. Раз восхитилась – заплачу любые деньги. Простая логика художественно-рыночных отношений.

Кстати, этот вопрос меня интересовал меньше всего. Мне никогда не жалко было платить много, если вещь того заслуживала. Не люблю швырять деньги на ветер – это да, так и есть. Но обожаю красивые дорогие вещи. И денег на них никогда не жалею. Это моя слабость. Одна из немногих, которые я себе позволяю.

Я вопросительно посмотрела на хозяйку и провела рукой по краю выбранной мною вазы. И на ощупь она была восхитительна.

– У вас удивительно тонкий вкус, – одобрила мой выбор неопрятная женщина странного возраста. – Эта, пожалуй, самая дорогая.

Говорила она, как ей, вероятно, казалось, доброжелательным тоном. Однако голос ее при этом звучал высокомерно, причем высокомерие было ничем не мотивировано. Я про-

сто не могла поверить, что автором этих глиняных ваз является она. Это было высокомерие самомнения, рождающегося, как правило, от унижения. Кто и в чем ее унизил, мне было неизвестно, но интуиция моя на этом настаивала. Не в первый раз я с таким высокомерием встречаюсь.

– Это ваши вазы? – спросила я.

– Мои! – в голосе ее звучал вызов, выдающий откровенное вранье.

– Вы, наверное, меня не поняли... – Своей интуиции я доверяла больше, чем ее словам. – Я спрашиваю, кто их автор?

– Это вы, наверное, меня не поняли, – возразила женщина. – Я же вам говорю, что любые вопросы по покупке ваз вы будете решать со мной... Витюша слишком нерационально распоряжается своими произведениями. Подарить может, например... Поэтому я больше не доверяю ему переговоры с покупателями.

– Так его зовут Виктор?

– Ну, Виктор, Виктор! Его сейчас все равно нет дома... Вы будете вазу брать или нет?

– Буду. Обязательно. Но хотела бы сначала поговорить с Виктором.

– Зачем это ему с вами разговаривать?

– А вы, собственно, кто? И почему я должна отвечать на ваши вопросы?

– Я кто? Сейчас ты узнаешь, кто я... Сейчас узнаешь... На Виктора она нацелилась, проститутка... Мой он, поняла?

Мой!

Женщина подошла ко мне вплотную. Она была несколько ниже меня ростом и, заглядывая мне в глаза, задирала голову и приподнималась на цыпочках, что придавало ей весьма заносчивый и смешной вид.

Я попыталась объяснить ей ситуацию с несколько иной точки зрения.

– Я нисколько не претендую на вашего, как вы выразились, Виктора. Мне с ним нужно только поговорить по делу. Предложить ему одну сделку.

В этот момент я вновь посмотрела на вазу, которую хотела купить, чтобы эта неврастеничка подумала, что речь идет о каком-нибудь заказе на изготовление ваз. Но, видно, в ее интересы не входило введение в круг общения Виктора столь эффектной и соблазнительной женщины, как я, и она никак не прореагировала на мою приманку. Она продолжала твердить, что его нет дома.

Мне ничего не оставалось, как перевести разговор в несколько иное русло.

– У меня нет никаких сомнений, что вы меня обманываете. Почему? Это меня совершенно не интересует. Но я хочу увидеть Виктора и поговорить с ним. И я его увижу. Вы не сможете мне воспрепятствовать. Мало того, сейчас вы пойдете и пригласите его сюда. Сами. Иначе мне придется причинить вам небольшую боль, вы закричите, и Виктор выскочит вас спасать. И я, таким образом, его увижу. И можете не

сомневаться, у меня хватит убедительных аргументов с ним договориться...

Я считала, что сказала вполне достаточно, чтобы быть понятой. Но у этой дуры, видно, не все в порядке было с логическим аппаратом.

Она завизжала и бросилась на меня с явным намерением вцепиться мне в волосы. Я, конечно, не могла позволить ей испортить мне прическу, и, поймав ее за протянутые ко мне руки, легко бросила в стоявшее рядом старенькое кресло. Не могу сказать, что она была слишком полной и тяжелой, скорее наоборот – кожа да кости, – но кресло, когда она в него плюхнулась, громко заскрипело, накренилось и, наконец, рассыпалось, превратившись в грудку обломков, среди которых она беспомощно барахталась, пытаясь от них освободиться и встать на ноги.

Визжать она не перестала. Из-за шума, который она подняла, я не услышала звука открывающейся двери и увидела мужчину, появившегося в комнате, когда он предстал передо мной, широко расставив ноги и сжимая в руках лыжную палку. Я с первого взгляда поняла, что это именно тот, кого имел в виду Киреев и о котором мне рассказывала наблюдательная старушка с балкона. Он был возбужден, глаза перебегали с меня на вазы, потом на лежащую на полу женщину, потом опять на меня. Осмысленное выражение медленно возвращалось на его лицо. Он бросил палку на пол и, не обращая внимания на тяжело поднимавшуюся с пола женщи-

ну, спросил, явно разглядывая мои формы:

– Чего вы хотите? Купить вазу?

Я уже собиралась ответить, но в это время с пола поднялась растрепанная женщина с какой-то палкой в руке и начала приближаться ко мне.

– Только попробуй, – бормотала она угрожающе. – Только попробуй...

Я взглянула на нее, потом на него и поморщилась. Он сразу же понял, что я хотела сказать. Схватив в охапку замахнувшуюся женщину, он поволок ее к двери, на ходу пытаясь перекричать визгливый голос.

– Только вздумай с ней трахаться! – кричала она. – Я убью и тебя, и ее!

– Заткнись, Ольга! Когда ты успела сходить за бутылкой? Я же говорил, чтобы ты никого не впускала, пьяная тварь!

– Вот только попробуй! – продолжала угрожать женщина уже из-за двери.

Он закрыл дверь на ключ, повернулся ко мне и повторил свой вопрос:

– Так вы хотите купить вазу?

– Нет, – ответила я. – Вазу вы мне подарите... Угадайте какую?

– Здесь гадать нечего. Конечно, «Парижанку». Вы же женщина со вкусом...

При этих словах он вновь посмотрел на меня оценивающе. И, подойдя к столу с вазами, провел рукой по выбранной

мной ажурной вазе, как по женской талии. Надо сказать, он меня удивил – тем, что точно определил мой выбор. Он или очень умен, или очень чувствителен. Или и то и другое одновременно.

– Но почему вы думаете, что я вам ее подарю? Вы знаете ее цену? Тысяча баксов.

– И все же – я согласна принять ее от вас в подарок. Подарок в знак благодарности за то, что я избавлю вас от очень большой опасности, купив у вас другой предмет, совершенно вам не нужный.

Соображал он, надо сказать, очень быстро, просто молниеносно. Он сразу понял, о чем я веду речь. С ним было просто приятно иметь дело.

– Как вы узнали, что это был я?

– Виктор, если бы вы не умели делать такие прекрасные вазы... – я указала на ту, что он назвал «Парижанкой», – ... вы стали бы вообще этим заниматься?

Он хмыкнул.

– Вы правы, я максималист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.